

Людвиг фон Мизес

Свобода и собственность

Лекция, прочитанная Л. фон Мизесом в Принстонском университете в октябре 1950 г. на 9-м заседании Общества Мон-Пелерен. Издана в виде брошюры Институтом Мизеса (Оберн, шт. Алабама) в 1991 г. Пер. с англ. А. В. Куряева.
©Издательство «Социум»

I

В конце XVIII в. существовало два понятия свободы. Оба они отличались от того, что мы имеем в виду сегодня, когда говорим о политической и личной свободе.

Одна концепция была чисто академичной и не находила никакого применения в политике. Она была извлечена из книг античных авторов, изучение которых в то время было самой сутью высшего образования. Древнегреческие и древнеримские мыслители не считали, что свободу следовало предоставлять всем людям. Она была привилегией меньшинства, большинству в ней было отказано. В свете современной терминологии, то, что древние греки называли демократией, не являлось тем, что Линкольн называл властью народа. Это была олигархия – власть полноправных граждан в обществе, основную массу которого составляли метеки и рабы. Однако уже с IV в. до н. э. философы, историки и ораторы даже эту весьма ограниченную свободу не рассматривали в качестве практически осуществимого конституционного института. Они считали ее частью безнадежно утерянного прошлого. Они оплакивали ушедший золотой век, но не знали, как его вернуть.

Второе понятие свободы было не менее олигархическим, хотя и не было связано ни с какими литературными реминисценциями. Оно представляло собой стремление земельной (и порой городской) аристократии оберегать свои привилегии от набирающего силу королевского абсолютизма. На большей части континентальной Европы государи одержали победу в данном конфликте. Только в Англии и Нидерландах

джентри и городские аристократы сумели нанести поражение династиям. Но то, чего они добились, было свободой не для всех. Это была свобода для элиты, для меньшинства народа.

Нельзя обвинять в лицемерии людей, восхвалявших тогда свободу и в то же время ограничивавших правоспособность большинства, не говоря уже о сохранении крепостничества и рабства. Они столкнулись с проблемой, удовлетворительного решения которой найти не могли. Для постоянно растущего населения традиционная система производства была слишком тесной. Увеличивалось число людей, для которых в рамках докапиталистических методов ведения сельского хозяйства и ремесленного производства, в полном смысле слова не оставалось места. Лишние люди становились голодающими бедняками. Они представляли собой угрозу для сохранения существующего общественного порядка, и длительное время никто не мог придумать иного порядка – положения дел, при котором можно было бы накормить всех этих несчастных. Не могло идти и речи о том, чтобы предоставить им полные гражданские права, не говоря уже об участии в управлении государством. Правителям было известно только одно средство — применение силы для подавления протестов.

II

Докапиталистическая система производства была ограничительной. Исторически в ее основе лежало завоевание. Победившие короли жаловали землю свои рыцарям. Эти аристократы были господами в буквальном смысле слова, поскольку они не зависели от покровительства потребителей, покупающих или воздерживающихся от покупок на рынке. С другой стороны, они сами являлись главными потребителями продукции организованных в гильдии обрабатывающих отраслей. Корпоративная структура гильдий противостояла любым новшествам. Она не позволяла отклоняться от традиционных методов производства. Даже в сельском хозяйстве и в кустарных ремеслах количество рабочих мест было ограниченным. В таких условиях, как говорил Мальтус, многие обнаруживают, что «им нет места на этом грандиозном празд-

нике природы» и что «им следует удалиться»*. Тем не менее некоторым из этих отверженных удавалось выживать, обзаводиться детьми и все больше и больше увеличивать численность бедняков, не имеющих в жизни никаких перспектив.

И вот пришел капитализм. Принято считать, что основным новшеством капитализма стала замена примитивных и неэффективных методов производства в ремесленных мастерских на механическую фабрику. Это весьма поверхностный взгляд. Характерной особенностью капитализма, отличающей его от докапиталистических методов производства, стал новый принцип реализации готовой продукции. Капитализм – не просто массовое производство, а массовое производство для удовлетворения потребностей масс. Кустарные ремесла старого доброго времени обслуживали только состоятельных людей, а фабрики производили дешевую продукцию для массового потребителя. Оказалось, что все первые фабрики были предназначены для обслуживания широких масс, тех слоев населения, которые работали на фабриках. Они снабжали их товарами либо прямо, либо косвенно, экспортируя свою продукцию, и тем самым обеспечивали потребителей зарубежными продуктами питания и сырьем. Этот принцип сбыта является автографом как современного, так и раннего капитализма. Сами работники потребляли бóльшую часть всех производимых товаров. Они являлись суверенными потребителями, которые «всегда правы». Покупая или воздерживаясь от покупки, они определяли что следует произвести, в каком количестве, какого качества. Покупая то, что лучше всего подходит им, одним предприятиям они позволяли получать прибыли и побуждали их расширяться, а других вынуждали терять деньги и сокращать производство. Тем самым потребители постоянно передают контроль над факторами производства в руки тех коммерсантов, которые лучше всего удовлетворяют их нужды. При капитализме частная собственность на средства производства является общественной функцией

* *Malthus T. R. An Essay on the Principle of Population. 2nd ed. London, 1803. P. 531.*

ей. Предприниматели, капиталисты и землевладельцы являются, так сказать, доверенными лицами потребителей, причем их мандат может быть аннулирован. Чтобы быть богатым, недостаточно обладать однажды сбереженным и накопленным капиталом. Его необходимо постоянно инвестировать в направлениях, лучше всего отвечающих желаниям потребителей. Рыночный процесс – это ежедневно повторяющийся плебисцит. Он непрерывно прореживает ряды людей, получающих прибыль, неумолимо отсеивая тех, кто не использует свою собственность в соответствии с распоряжениями, отдаваемыми потребителями. Большой бизнес, объект фанатической ненависти со стороны всех современных правительств и самозванных интеллектуалов, обретает и сохраняет свои масштабы только потому, что работает на массы. Заводы, снабжающие предметами роскоши немногих, никогда не станут крупными. Историки и политики XIX в. не понимали, что основными потребителями продукции промышленности были рабочие. По их мнению, наемные рабочие трудились исключительно на благо паразитического праздного класса. Они ошибочно полагали, что работа на фабриках отрицательно сказывается на доле работников физического труда. Если бы они обратились к статистике, то легко обнаружили бы ошибочность своего мнения. Детская смертность снизилась, средняя продолжительность жизни увеличилась, численность населения сильно возросла, средний простой человек наслаждается комфортом, о котором состоятельные люди более ранних эпох не могли и мечтать.

Однако беспрецедентное обогащение масс было всего лишь побочным продуктом промышленной революции. Ее главное достижение состояло в передаче экономического господства от землевладельцев всему населению. Простой человек перестал быть тружеником, вынужденным довольствоваться остатками с барского стола. Три касты отверженных, характерные для докапиталистических эпох, — рабы, крепостные и люди, которых авторы святоотеческой и схоластической литературы, а также английское законодательство XVI—XIX вв. именовали «бедными», — исчезли. Их потомки в новой экономической обстановке

стали не просто свободными рабочими, но и потребителями. Это радикальное изменение нашло отражение в том, какую важность бизнес придает рынкам. Первое, в чем нуждается бизнес, — это рынки и еще раз рынки. Это — девиз капиталистического предпринимательства. Рынки подразумевают клиентов, покупателей, потребителей. При капитализме есть только один путь к богатству: обслуживать потребителей лучше и дешевле, чем это делают другие.

В стенах мастерской или фабрики боссом является владелец (в корпорациях – представитель акционеров, президент). Но это лишь видимое, условное главенство. Оно подчинено господству потребителей. Потребитель является королем, реальным боссом, а производитель не имеет шансов выжить, если не превзойдет своих конкурентов в обслуживании потребителей.

Это было крупное экономическое преобразование, которое изменило облик мира. Довольно скоро политическая власть была передана из рук привилегированного меньшинства в руки народа. За обретением экономических прав последовало предоставление гражданских и политических прав. Простой человек, которому рыночный процесс дал право выбирать предпринимателей и капиталистов, приобрел аналогичную власть в сфере государственного управления. Простой человек превратился в избирателя.

Выдающиеся экономисты заметили (я думаю, что первым это сделал Фрэнк Феттер), что рынок является демократией, при которой каждое пенни дает право голоса. Правильнее было бы сказать, что представительная власть народа является попыткой организовать конституционное устройство в соответствии с моделью рынка, правда, этот замысел не был полностью реализован. В политической сфере верх всегда одерживает большинство, а меньшинство должно подчиняться большинству. Рынок же обслуживает и меньшинство, при условии, что оно не слишком незначительно. Швейная промышленность производит одежду не только для нормальных людей, но и для полных, а издательства печатают не только вестерны и детективы для толпы, но и

книги для более разборчивых читателей. Есть еще одно важное отличие. В политической сфере человек или небольшая группа людей не могут не подчиниться воле большинства. Но в интеллектуальной сфере частная собственность делает возможным мятеж. Бунтарь должен платить за свою независимость определенную цену. В этом мире нет призов, которые можно завоевать, не жертвуя ничем. Однако, если человек готов платить цену, он волен отклониться от господствующей ортодоксии или неоортодоксии. Какова была бы судьба таких еретиков, как Кьеркегор, Шопенгауэр, Веблен или Фрейд, в социалистическом обществе? А как обстояло бы дело с Моне, Курбе, Уолтом Уитменом, Рильке, Кафкой? Во все времена пионеры, создающие новые образы мышления и манеры поведения, могли работать только потому, что частная собственность делала возможным презрительное отношение к образу мышления и манерам поведения большинства. Немногие из этих раскольников сами были достаточно экономически независимыми, чтобы открыто не повиноваться господствующему мнению большинства. Но в условиях свободной экономики они нашли людей, готовых помогать им и содержать их. Что делал бы Маркс без своего покровителя, фабриканта Фридриха Энгельса?

III

Неспособность социалистов осознать суверенитет потребителя в рыночной экономике полностью обесценивает экономическую критику ими капитализма. Они видят лишь иерархическую организационную структуру предприятий и планов и не могут понять, что прибыль побуждает бизнес служить потребителям. Профсоюзы строят свои отношения с работодателями так, словно менеджмент (как они это называют) не платит более высокую зарплату исключительно из злого умысла и алчности. Они близоруко не замечают ничего вне стен фабрики. Они и их сторонники говорят о концентрации экономической власти, не понимая, что экономическая власть в конечном счете принадлежит покупателям, подавляющее большинство которых составляют сами наемные работники. Их неспособность адекватно понять по-

ложение вещей находит отражение в таких неуместных метафорах, как «промышленный король» или «промышленный барон». Они слишком тупы, чтобы видеть разницу между суверенным королем или бароном, сместить которого может только более сильный завоеватель, и «шоколадным королем», который лишится своего «королевства» как только потребители предпочтут стать клиентами другого производителя. Это передергивание лежит в основе всех социалистических планов. Попробуй любой из социалистических лидеров заработать на жизнь, продавая хот-доги, он кое-что узнал бы о суверенитете потребителя. Но они были профессиональными революционерами, и их единственной работой было разжигание гражданской войны. Идеалом Ленина было организовать национальное производство по образцу почты, учреждения, не зависящего от потребителей, поскольку дефицит ее бюджета покрывался принудительным сбором налогов. «Все общество, — говорил он, — станет одним предприятием и одной фабрикой»*. Он не понимал, что характер фабрики полностью изменится, как только она станет единственной в мире, и у людей больше не будет возможности осуществлять выбор из товаров и услуг различных предприятий. Не понимая, какую роль при капитализме играют потребители и рынок, он не мог видеть разницы между свободой и рабством. Поскольку в рабочих Ленин видел только рабочих и упускал из виду, что одновременно они являются потребителями, он считал, что при капитализме они уже являются рабами, и их статус не изменится, когда все заводы и фабрики будут национализированы. Суверенитет потребителя социализм заменяет на суверенитет диктатора или комитета диктаторов. Вместе с экономическим суверенитетом граждане теряют и политический суверенитет. Единственному производственному плану, отменяющему всякое планирование со стороны потребителей, в политической сфере соответствует принцип однопартийности, лишаящий граждан всякой возможности планировать ход политических со-

* Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 101.

бытий. Свобода неделима. Человек, не имеющий права осуществлять выбор из различных марок консервов или мыла, также лишен права делать выбор из различных политических партий и программ, а также избирать должностных лиц. Он больше не является человеком; он становится пешкой в руках верховного социального инженера. Даже его свобода выращивать потомство будет отнята евгеникой. Разумеется, социалистические лидеры иногда уверяют нас, что диктатура тирании устанавливается только на период перехода от капитализма и представительного правления к социалистическому тысячелетнему царству, в котором все потребности и желания будут полностью удовлетворены^{*}. Мисс Джоан Робинсон, видный представитель британской неокембриджской школы, любезно обещает, что как только социалистический режим будет «в достаточной степени защищен от критики», будет разрешено существование «даже независимых филармонических обществ»^{*}. Таким образом, ликвидация всех несогласных является условием того, что коммунисты называют свободой. В свете этого становится понятным, что имел в виду другой известный англичанин, м-р Дж. Кроутер, когда хвалил инквизицию, говоря, что она «приносит пользу науке, когда защищает восходящий класс»^{*}. Смысл сказанного понятен. Когда все люди будут смиренно поклоняться диктатору, то несогласных уже не останется, и никого не нужно будет ликвидировать. Калигула, Торквемада, Робеспьер согласились бы с таким решением.

Социалисты произвели семантическую революцию, изменив смысл слов на противоположный. В словаре их «новояза», как его называл Оруэлл, есть термин «принцип однопартийности». Этимологически слово «партия» происходит от существительного «часть». Партия, не

^{*} *Маркс К.* Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 23.

^{*} *Robinson J.* Private Enterprise and Public Control. Published for the Association for Education in Citizenship by the English Universities Press, Ltd., s.d. P. 13–14.

^{*} *Crowther J. G.* Social Relations of Science. London, 1941. P. 333.

имеющая собрата, не отличается от своего антонима — целого; она тождественна ему. Партия, не имеющая собрата, не является партией, а принцип однопартийности по существу является принципом беспартийности. Это принцип подавления оппозиции в любой форме. Свобода подразумевает наличие права выбора между согласием и несогласием. Но на новоязе свобода означает обязанность безоговорочно соглашаться и строгий запрет на несогласие. Изменение традиционного смысла политической терминологии характерно не только для языка русских коммунистов и их фашистских и нацистских последователей. Общественный порядок, отменяющий частную собственность на средства производства, лишая потребителей автономии и независимости, а тем самым подчиняя каждого человека произволу центрального планового совета, не смог бы обрести поддержку масс, если бы не замаскировал свою суть. Социалисты не смогли бы одурачить избирателей, если бы открыто заявили, что их главная цель — обратить людей в рабство. На публике они вынуждены были лицемерно превозносить свободу.

IV

В эзотерических дискуссиях в кругу глубоко законспирированных активистов их речи звучали совершенно иначе. Здесь посвященные не скрывали своих намерений относительно свободы. По их мнению, свобода, безусловно, была благом в прошлом, в рамках буржуазного общества, так как давала возможность реализовывать свои планы. Но после победы социализма свобода мысли и действий людям будет не нужна. Любое изменение будет отклонением от совершенного состояния человечества, достигшего социалистического счастья. При таких условиях было бы безумием терпеть инакомыслящих.

Свобода, говорят большевики, это буржуазный предрассудок. Простой человек не имеет своих идей; он не пишет книг, не создает еретических теорий, не изобретает новых методов производства. Он хочет лишь наслаждаться жизнью. Ему нет никакой пользы от классовых интересов интеллектуалов, которые зарабатывают себе на жизнь как

профессиональные инакомыслящие и новаторы. Более презрительного отношения к простому человеку придумать невозможно. Нет необходимости оспаривать эту точку зрения. Вопрос не в том, может ли простой человек сам воспользоваться свободой мыслить, говорить и писать книги. Вопрос в том, могут ли инертные рутинеры получить выгоду от свободы, предоставленной тем, кто затмевает их умом и силой воли. Простой человек может безразлично относиться к делам более способных людей и даже осуждать их. Однако он с удовольствием пользуется всеми выгодами, порождаемыми усилиями новаторов. Он не вдается в подробности того, что на его взгляд является излишней казуистикой. Но как только предприимчивые бизнесмены применяют мысли и теории новаторов для удовлетворения скрытых потребностей простого человека, он спешит купить новые товары. Вне всяких сомнений, наибольшую выгоду от достижений современной науки и технологии получает простой человек.

Верно то, что человек средних умственных способностей не имеет возможностей попасть в ряды капитанов индустрии. Но суверенитет в экономических делах, обеспечиваемый ему рынком, стимулирует технологов и предпринимателей обращать ему на пользу все достижения научных исследований. Этот факт могут не замечать только люди, умственный горизонт которых не выходит за рамки внутренней организационной структуры фабрики и которые не понимают, что заставляет бизнесмена шевелиться.

Поклонники советской системы постоянно повторяют нам, что свобода не является высшим благом. Что ею «не стоит обладать», если она подразумевает нищету. Пожертвовать свободой для достижения благосостояния масс совершенно оправданно. В России счастливы все, исключая горстку непокорных индивидуалистов, не способных адаптироваться к образу жизни рядовых граждан. Мы не будем обсуждать вопрос, распространялось ли счастье на миллионы умерших от голода украинских крестьян, заключенных трудовых лагерей, подвергнувшихся чистке марксистских вождей. Но мы не можем пройти мимо то-

го, что в свободных странах Запада уровень жизни несравненно выше, чем на коммунистическом Востоке. Отказавшись от свободы в качестве платы за достижение процветания, русские заключили неудачную сделку. Сейчас у них нет ни того, ни другого.

V

Романтическая философия развивалась под влиянием иллюзии, что на заре истории человек был свободен и что историческая эволюция лишила его изначальной свободы. Жан Жак Руссо считал, что природа даровала человеку свободу, а общество сделало его рабом. В действительности, первобытный человек был беззащитен перед любым, кто был сильнее его и мог отобрать скудные средства к существованию. В природе нет ничего, что можно было бы назвать свободой. Концепцию свободы можно приложить только к общественным отношениям между людьми. Верно и то, что в обществе невозможно реализовать призрачную концепцию абсолютной независимости индивида. В рамках общества каждый человек зависит от того, какой вклад в его благосостояние готовы внести другие люди в обмен на его вклад в их благосостояние. Сущностью общества является взаимный обмен услугами. Люди являются свободными только в той степени, в какой они имеют возможность выбирать. Они лишены свободы, если вынуждены соглашаться с условиями обмена, подчиняясь насилию или под угрозой насилия. И не имеет значения, как они сами к этому относятся. Раб не свободен именно потому, что его обязанности определяет хозяин, устанавливая при этом вознаграждение за их исполнение.

У правительства, общественного аппарата подавления и сдерживания нет ничего общего со свободой. Суть правительства – отрицание свободы. Правительство – это применение насилия или угрозы применить насилие с целью заставить всех людей подчиняться правительству, нравится им это или нет. Там, куда распространяется юрисдикция правительства, существует принуждение, а не свобода. Правительство – институт необходимый. Это средство сделать функционирование общественной системы сотрудничества гладким, оградить его от насиль-

ственных действий со стороны отечественных или иностранных бандитов. Правительство не является, как любят говорить некоторые, необходимым злом; оно является не злом, а средством, единственным средством, способным сделать возможным мирное сосуществование людей. Но правительство является противоположностью свободы. Правительство – это избиение, заключение в тюрьму, смертная казнь. Что бы ни делало государство, в конечном счете оно опирается на действия вооруженной полиции. Если государство управляет школами или больницами, то необходимые для этого средства собираются при помощи налогов, то есть платежей, взысканных с граждан.

Если учитывать, что (исходя из природы человека) без правительственного аппарата насильственных действий не было бы ни цивилизации, ни мира, то мы можем назвать правительство самым полезным человеческим институтом. Но факт остается фактом: правительство – это подавление, а не свобода. Свободу следует искать только в сфере, в которую правительство не вмешивается. Политическая свобода – это всегда свобода от правительства и ограничение правительственного вмешательства. Она существует только в тех областях, где граждане имеют возможность выбирать образ действий. Гражданские права – это законодательные акты, точно очерчивающие сферу, в которой людям, занимающимся государственными делами, разрешено ограничивать свободу действий людей.

Учреждая правительство, люди в конечном счете преследовали одну цель – сделать возможным функционирование определенной системы общественного сотрудничества, основанной на разделении труда. Если люди желают жить в условиях такой общественной системы, как социализм (коммунизм, планирование), то сферы свободы не существует. Все граждане в любом отношении подчинены декретам правительства. Государство является тотальным государством, а режим – тоталитарным. Государство само планирует и принуждает всех действовать в соответствии с его единственным в своем роде планом. В рыночной экономике люди вольны выбирать способ, которым они желают интег-

рироваться в структуру общественного сотрудничества. Спонтанные действия индивидов имеют место только там, куда простирается область рыночного обмена. В этой системе, называемой *laissez faire*, которую Фердинанд Лассаль обозвал государством-ночным сторожем, свобода имеется, потому что есть сфера, в которой люди свободны строить собственные планы.

Социалистам следует признать, что в социалистической системе не может быть никакой свободы. Вместо этого они стараются стереть различия между рабским государством и экономической свободой, отрицая наличие свободы во взаимном обмене товарами и услугами на рынке. Любой рыночный обмен рассматривается представителями просоциалистической правовой школы как «обуздание свободы других людей». На их взгляд, нет никакой разницы между уплатой налогов или штрафов, накладываемых судьей, и покупкой газеты или билета в кино. Во всех этих случаях человек подчиняется власти правительства. Он не свободен, поскольку, как утверждает профессор Хэйл, свобода означает «отсутствие всяких препятствий для пользования материальными благами»^{*}. Это означает: я не свободен, поскольку женщина, купившая свитер (возможно, в подарок мужу на день рождения), создает препятствие, мешающее мне воспользоваться им. Я сам ограничиваю свободу всех остальных людей, потому что возражаю против того, чтобы они пользовались моей зубной щеткой. Согласно данной доктрине, делая это, я использую частную правящую власть, аналогичную государственной власти правительства, власти, которую правительство использует, когда помещает человека в тюрьму Синг-Синг.

Сторонники этой удивительной доктрины делают логичный вывод, что свободы нет нигде. Они утверждают, что то, что они называют экономическим давлением, по существу не отличается от давления, оказы-

^{*} *Hale R. L. Freedom Through Law, Public Control of Private Governing Power. New York: Columbia University, 1952. P. 4 ff.*

ваемого хозяином на своих рабов. Отвергая то, что они называют частной правительственной властью, они не возражают против ограничения свободы, осуществляемого публичной правительственной властью. Они хотят сконцентрировать все, что они называют ограничениями свободы, в руках правительства. Они критикуют институт частной собственности и законы, которые, по их словам, стоят «на страже прав собственности — то есть отрицают свободу тех, чьи действия направлены на их нарушение»*.

Не так давно все домашние хозяйки варили суп, руководствуясь рецептами, которые они узнали от своих матерей или вычитали из поваренной книги. Сегодня многие хозяйки предпочитают покупать консервированный суп, чтобы только разогреть его и подать на стол. Однако, говорят наши ученые доктора наук, компания-производитель в состоянии ограничить свободу домохозяек, потому что, устанавливая цену на консервы, они препятствуют их использованию. Люди, не имевшие привилегии учиться у таких видных учителей, сказали бы, что консервированные продукты произведены консервным заводом, и что, производя их, компания устраняет самое большое препятствие, мешающее потребителю получить и съесть консервы, их несуществование. Запах продукта не сможет никого удовлетворить, если продукт не будет существовать. Но ученые говорят этим людям, что они не правы. Корпорации доминируют над домохозяйкой, избыточной концентрацией власти разрушая ее индивидуальную свободу. И обязанность правительства – помешать злоупотреблениям. Корпорации следуют подчинить контролю правительства, пишет (при содействии Фонда Форда, одной из этих групп) профессор Берл*.

Почему наша домохозяйка покупает консервированные продукты, а не придерживается рецептов своей матери и бабушки? Несомненно пото-

* Ibid., p. 5.

* *Berle A. A., Jr. Economic Power and the Free Society, a Preliminary Discussion of the Corporation. New York: The Fund for the Republic, 1954.*

му, что считает этот образ действий более выгодным для себя, чем следование традиционным образцам. Ее никто не принуждает. Одни люди — их называют маклерами, дельцами, капиталистами, спекулянтами, биржевыми игроками, — стремясь удовлетворить скрытое желание миллионов домохозяек, осуществили инвестиции в консервную отрасль. Иные столь же эгоистичные капиталисты в сотнях других корпораций снабжают потребителей сотнями других вещей. Чем лучше корпорация обслуживает народ, чем больше потребителей она привлекает, тем значительнее становятся ее размеры. Зайдите в дом средней американской семьи и вы увидите ради кого крутятся шестеренки этих машин.

В свободном обществе никому не препятствуют приобретать богатство путем предоставления потребителям более качественных услуг, чем они имеют сегодня. От человека требуются только его мозги и тяжелая работа. «В основе современной цивилизации, почти всех цивилизаций, — говорит Эдвин Кеннан, последний из длинного ряда выдающихся британских экономистов, — лежит принцип, в соответствии с которым положение тех, кто угождает рынку, становится приятным, а положение тех, у кого это не получается, — неприятным»*. Все разговоры о концентрации экономической власти беспредметны. Чем крупнее корпорация, чем больше людей она обслуживает, тем больше она зависит от удовлетворения потребителей, масс, народа. В рыночной экономике экономическая власть находится в руках потребителей.

Капиталистический бизнес — это не удержание однажды достигнутого состояния производства. Скорее, это непрекращающиеся нововведения, постоянно повторяющиеся попытки предложить потребителям новые, более качественные и более дешевые продукты. Любое реальное состояние производства является преходящим явлением. Существует постоянная тенденция замещения того, что уже достигнуто, чем-то другим, что лучше служит потребителям. Следовательно, при капита-

* *Cannan E. An Economist's Protest. London, 1928. P. VI ff.*

лизме постоянно происходит смена элит. Отличительное свойство людей, которых называют капитанами производства, – порождать новые идеи и заставлять их работать. Какой бы крупной ни была корпорация, она обречена, как только она перестанет справляться с задачей ежедневно адаптироваться к наилучшим методам обслуживания потребителей. Но политики и другие воображающие себя реформаторами видят только сегодняшнюю структурную организацию промышленности. Они полагают, что достаточно умны для того, чтобы отобрать у бизнеса контроль над заводами в том виде, в каком они существуют сегодня, и управлять ими, придерживаясь заданного направления. В то время как честолюбивые новички, которые станут магнатами завтра, уже разрабатывают планы осуществления неслыханных проектов, реформаторы собираются следовать проторенным путем. До сих пор не зарегистрировано ни одного случая, когда бы бюрократы придумали и осуществили какое-либо промышленное новшество. Чтобы не скатиться к стагнации, необходимо освободить руки тем неизвестным сегодня людям, которые обладают достаточной изобретательностью, чтобы вести человечество вперед по пути все более и более удовлетворительных условий жизни. Это основная проблема экономической организации любой страны.

Частная собственность на материальные факторы производства не является ограничением свободы всех остальных людей выбирать то, что подходит им лучше всего. Напротив, она является средством, которое дает в руки простого человека как покупателя верховенство во всех экономических делах. Это средство, побуждающее наиболее предприимчивых людей страны направлять все свои способности на удовлетворение потребностей всего народа.

VI

Однако перечень радикальных перемен, привнесенных в жизнь простого человека капитализмом, будет неполным, если мы отметим только главенство простого человека на рынке в роли потребителя и в государственных делах в роли избирателя и факт беспрецедентного по-

вышения его уровня жизни. Не менее важным является то, что капитализм дал ему возможность делать сбережения, накапливать и вкладывать капитал. Пропась, разделяющая в докапиталистическом сословно-кастовом обществе владельцев собственности и бедняков, не имеющих за душой ни гроша, сходит на нет. В прежние времена поденщик получал столь мизерную плату, что едва ли мог что-то отложить, а если и делал это, то мог осуществлять сбережения только путем тезаврирования и припрятывания нескольких монет. При капитализме квалификация позволяет ему делать сбережения, и существуют институты, позволяющие ему вкладывать свои средства в дело. Существенная часть капитала, использующегося в американской промышленности, представляет собой сбережения наемных работников. Приобретая сберегательные депозиты, страховые полисы, акции и облигации, рабочие и служащие сами получают проценты и дивиденды и, следовательно, согласно марксизму являются эксплуататорами. Простой человек прямо заинтересован в расцвете бизнеса не только как потребитель и работник, но и как инвестор. Резкая граница, некогда разделявшая тех, кто владеет факторами производства, и тех, кто их не имеет, постепенно стирается. Несомненно, эта тенденция может формироваться только в рыночной экономике, не подрываемой так называемой социальной политикой. Государство благосостояния с его методами легких денег, кредитной экспансии и незамаскированной инфляцией постоянно съедает кусочки от требований, оплачиваемых законным платежным средством страны. Самозванные защитники простого человека все еще руководствуются устаревшей идеей, утверждающей, что политика, благоволящая должникам в ущерб кредиторам, весьма выгодна большинству. Их неспособность понять суть рыночной экономики проявляется также в том, что они не видят очевидного: те, кому они якобы помогают, выступая в роли сберегателей, владельцев полисов и облигаций, являются кредиторами.

Индивидуализм — отличительная особенность западной социальной философии. Его цель — в создании сферы, в которой индивид свободен думать, выбирать и действовать, не наталкиваясь на ограничивающее вмешательство государства, общественного аппарата сдерживания и принуждения. Все духовные и материальные достижения западной цивилизации были результатом проведения в жизнь этой идеи свободы.

Эта доктрина и ее применение сфере экономической жизни — политика индивидуализма и капитализма — не нуждается в апологетах и пропагандистах. Достижения говорят сами за себя.

Аргументы в пользу капитализма и частной собственности основаны (помимо других соображений) также и на не имеющей аналогов эффективности производства. Именно благодаря своей эффективности капиталистическое производство обеспечивает средствами к существованию быстро растущее население при постоянном повышении уровня жизни. Постоянно растущее благосостояние масс создает социальное окружение, в котором исключительно одаренные люди свободны отдавать своим согражданам все, на что они способны. Общественная система частной собственности и ограниченного правительства — единственная система, оказывающая цивилизующее воздействие на тех, кто обладает врожденной способностью приобретать внутреннюю культуру.

Бесполезно преуменьшать материальные достижения капитализма, указывая на то, что есть вещи, более важные для человечества, чем более быстрые машины и дома, оборудованные центральным отоплением, кондиционерами, холодильниками, стиральными машинами и телевизорами. Безусловно, такие высшие и благородные устремления существуют. Однако они являются высшими и благородными именно потому, что их нельзя достичь какими-либо внешними усилиями, они требуют личной самоотдачи и напряжения. Те, кто выдвигает подоб-

ные упреки в адрес капитализма, скорее демонстрируют крайне грубые и материалистические взгляды, полагая, что нравственную и духовную культуру можно создать при помощи правительства или путем создания соответствующей организационной структуры производства. Внешние факторы могут лишь создать среду и знания, дающие людям возможность совершенствовать свою личность и интеллект. Капитализм не виноват в том, что массы предпочитают бокс постановке «Антигоны» Софокла, джаз — симфониям Бетховена, комиксы — поэзии. Однако очевидно, что в то время как в условиях докапиталистической экономики преобладающей в настоящее время на большей части планеты, высшие блага доступны лишь незначительному меньшинству, капитализм каждому предоставляет шанс стремиться к ним.

С какой точки зрения не смотри на капитализм, нет никаких причин сожалеть об уходе некоего старого доброго времени. Еще меньше оснований тосковать по тоталитарным утопиям, будь то нацистского или советского типа.

Сегодня мы торжественно открыли девятую конференцию Общества Мон-Пелерен. По этому случаю уместно напомнить, что такого рода собрания, на которых высказываются мнения, противоречащие мнению большинства наших современников и их правительств, возможны только в атмосфере личной и политической свободы, являющейся наиболее точной характеристикой западной цивилизации. Давайте надеяться, что право на несогласие никогда не исчезнет.